

В конце июля на сайте “Свободная пресса” было размещено “Письмо товарищу Сталину”. Текст острый, ироничный и, как принято говорить сейчас, креативный. Автор — молодой, но уже широко известный писатель Захар Прилепин обращается к Сталину от имени недоброжелателей “вождя народа”. Впрочем, разговор выходит далеко за пределы отношения к руководителю Советской державы. Речь об отношении значительной части интеллигенции, прежде всего еврейской, к нашей недавней истории, к русскому народу и самой России.

Гротескно проартикулировав от имени этого круга их русофобские взгляды, доведя их неприятие нашего общего прошлого до абсурда, Прилепин нажил себе немало опасных врагов. Интернет буквально взорвался не то что откликами — воплями и проклятиями. В то же время немало читателей “Письма” выступили в защиту Прилепина.

Отдавая должное общественной значимости вспыхнувшей дискуссии, редакция “Нашего современника” обратилась к Захару с просьбой прислать подборку наиболее выразительных откликов. Публикуем отрывки из этой подборки, а также два текста самого Прилепина — “Письмо” и ответ оппонентам.

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ВЫ ПРИВАТИЗИРОВАЛИ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРАВДУ

Письмо товарищу Сталину

*Социализм был выстроен.
Поселим в нём людей.*

Борис Слуцкий

Мы поселились в твоём социализме.

Мы поделили страну, созданную тобой.

Мы заработали миллионы на заводах, построенных твоими рабами и твоими учёными. Мы обанкротили возведённые тобой предприятия и увели полученные деньги за кордон, где построили себе дворцы. Тысячи настоящих дворцов. У тебя никогда не было такой дачи, оспяной урод.

Мы продали заложенные тобой ледоходы и атомоходы и купили себе яхты. Это, кстати, вовсе не метафора, это факт нашей биографии.

Поэтому твоё имя зудит и чешется у нас внутри, нам хочется, чтоб тебя никогда не было.

Ты сохранил жизнь нашему роду. Если бы не ты, наших дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решён. Ты положил в семь слов русских людей, чтоб спасти жизнь нашему семени.

Когда мы говорим о себе, что мы тоже воевали, мы отдаём себе отчёт, что воевали мы только в России, с Россией, на хребте русских людей. Во Франции, в Польше, в Венгрии, в Чехословакии, в Румынии, и далее везде, у нас воевать не получилось так хорошо, нас там собирали и жгли. Получилось только в России, где мы обрели спасение под твоим гадким крылом.

Мы не желаем быть благодарными тебе за свою жизнь и жизнь своего рода, усатая сука.

Но втайне мы знаем: если б не было тебя – не было бы нас.

Это обычный закон человеческого бытия: никто не желает быть кому-то долго благодарным. Это утомляет! Любого человека раздражает и мучит, если он кому-то обязан. Мы хотим быть всем обязанными только себе – своим талантам, своему мужеству, своему интеллекту, своей силе.

Тем более мы не любим тех, кому должны большую сумму денег, которую не в состоянии вернуть. Или не хотим вернуть.

Поэтому мы желаем обставить дело так, что мы как бы и не брали у тебя займы, а заработали сами, или нам кто-то принёс в подарок сто кг крупных купюр, или они валялись никому не нужные – да! прекрасно! валялись никому не нужными! и мы их просто подобрали – так что отстань, отстань, не стой перед глазами, сгинь, гадина.

Чтоб избавиться от тебя, мы придумываем всё новые и новые истории в жанре альтернативной истории, в жанре мухлеза и шулерства, в жанре тупого вранья, в жанре восхитительной и подлой демагогии.

Мы говорим – и тут редкий случай, когда мы говорим почти правду – что ты не жалел и периодически истреблял русский народ. Мы традиционно увеличиваем количество жертв в десятки и даже сотни раз, но это детали. Главное, мы умалчиваем о том, что самим нам нисколько не дорог ни этот народ, ни его интеллигенция. В сегодняшнем семимильном, непрестанном исчезновении населения страны и народной аристократии мы неустанно и самозабвенно виним – какой очаровательный парадокс! – тебя! Это ведь не мы убили русскую деревню, русскую науку и низвели русскую интеллигенцию на уровень босяков и бастардов – это, не смейся, всё ты. Ты! Умерший 60 лет назад! А мы вообще ни при чём. Когда мы сюда пришли – всё уже сломалось и сгнило. Свои миллиарды мы заработали сами, своим трудом, на пустом месте! Клянёмся нашей мамой.

В крайнем случае, в отмирании русского этноса мы видим объективный процесс. Это ведь при тебе людей убивали, а при нас они умирают сами. Ты даже не успевал их так много убивать, как быстро они умирают сегодня по собственной воле. Объективность, не так ли?

Ещё мы уверенно говорим, что Победа состоялась вопреки тебе.

Правда, немного странно, но с тех пор в России почему-то ничего не получается вопреки. Например, она никак не становится разумной и сильной державой ни вопреки, ни даже благодаря нам и нашей созидательной деятельности. Опять парадокс, чёрт возьми.

Мы говорим, что ты сам хотел развязать войну, хотя так и не нашли ни одного документа, доказывающего это.

Мы говорим, что ты убил всех красных офицеров, и порой даже возводим убиенных тобой военспецов на пьедестал, а тех, кого ты не убил, мы ненавидим и затапываем. Ты убил Тухачевского и Блюхера, но оставил Ворошилова и Будённого. Поэтому последние два – бездари и ублюдки. Если б случилось наоборот, и в живых оставили Тухачевского и Блюхера, то бездарями и ублюдками оказались бы они.

Как бы то ни было, мы твёрдо знаем, что ты обезглавил армию и науку. То, что при тебе мы вопреки тебе имели армию и науку, а при нас не разглядеть ни того, ни другого, не отменяет нашей уверенности.

Мы говорим, что накануне ужасной войны ты не захотел договориться с “западными демократиями”, при том что одни “западные демократии”, как мы втайне знаем, сами прекрасно договаривались с Гитлером, а другие западные, а также отдельные восточные демократии исповедовали фашизм и строили фашистские государства. Мало того, одновременно финансовые круги неземным светом осиянных Соединённых Штатов Америки вкладывали в Гитлера и его поганое будущее огромные средства.

Мы простили всё и всем, мы не простили только тебя.

Тебя ненавидели и “западные демократии”, и “западные автократии”,

и эти самые финансовые круги, и ненавидят до сих пор, потому что помнят, с кем имели когда-то дело.

Они имели дело с чем-то, по всем показателям противоположным нам. Ты иная точка отсчёта. Ты другой полюс. Ты носитель программы, которую никогда не вместит наше местечковое сознание.

Ты стоял во главе страны, победившей в самой страшной войне за всю историю человечества.

Ненависть к тебе соразмерна только твоим делам.

Ненавидят тех, кто делает. К тем, кто ничего не делает, нет никаких претензий. Что делали главы Франции, или Норвегии, или, скажем, Польши, когда началась та война, напомнить?

Они не отдавали приказ “Ни шагу назад!”. Они не вводили заградотряды, чтобы “спасти свою власть” (именно так мы, альтруисты и бессребренники, любим говорить о тебе). Они не бросали полки и дивизии под пули и снаряды, не заливали кровью поля во имя малой высоты. Они не заставляли работать подростков на военных заводах, они не вводили зверские санкции за опоздание на работу. Нет! Миллионы их граждан всего лишь, спокойно и ответственно, трудились на гитлеровскую Германию. Какие к ним могут быть претензии? Претензии всего мира обращены к тебе.

При тебе были заложены основы покорения космоса – если б ты прожил чуть дольше, космический полёт случился бы при тебе – и это было бы совсем невыносимо. Представляешь? – царь, усатый цезарь, перекроивший весь мир и выпустивший человека, как птенца, за пределы планеты – из своей вечно дымящей трубки!

О, если б ты прожил ещё полвека – никто б не разменял великую космическую одиссею на ай-поды и компьютерные игры.

Да, к тому же при тебе создали атомную бомбу – что спасло мир от ядерной войны, а русские города от американских ядерных ударов, когда вместо Питера была бы тёплая и фосфоресцирующая Хиросима, а вместо Киева – облачное и мирное Нагасаки. И это было бы торжеством демократии, столь дорогой нам.

Ты сделал Россию тем, чем она не была никогда, – самой сильной страной на земном шаре. Ни одна империя за всю историю человечества никогда не была сильна так, как Россия при тебе.

Кому всё это может понравиться?

Мы очень стараемся и никак не сумеем растратить и пустить по ветру твоё наследство, твоё имя, заменить светлую память о твоих великих свершениях чёрной памятью о твоих, да, реальных, и, да, чудовищных преступлениях.

Мы всем обязаны тебе. Будь ты проклят.

**Российская либеральная общественность.
Записал Захар Прилепин**

ОТКЛИКИ НА ПУБЛИКАЦИЮ

Виктор Шендерович

С печалью констатирую: Захар стал антисемитом, о чем, собственно, и уведомил общественность публикацией этого текста. До того Прилепин числился в “левых”, вплоть до острой лимоновской фазы – и многие, в том числе я, списывали это на ностальгию по советской детской ясности мира, на затянувшуюся молодость. Думали, повзрослеет – оклемается...

Повзрослел, приехали.

Михаил Берг

Прилепин озвучил довольно-таки примитивную и упрощенную версию российской истории, Шендерович ответил ему тем же – сказал: сам дурак и антисемит. Но проблема осознания роли в истории тех, кого называют евреями, остается.

Михаил Швыдкой

Прочел “Письмо товарищу Сталину” Прилепина. Огорчился невежеству и подлости, невозможных у русского писателя.

Дмитрий Быков

Прилепин сделал ход, практически неизбежный в биографии каждого писателя, входящего в моду: в некий момент ему хочется расплываться с литературной тусовкой, в услугах которой он больше не нуждается и которая пытается его приватизировать. Литературная тусовка почти всегда отвратительна, а либеральная в особенности – замашки у нее откровенно диктаторские, а приемы самые свинские.

Оскорблен ли я лично этой статьей? Ничуть, потому что она очень глупая. Думаю, что имею право сказать это Прилепину, сохраняя самые теплые чувства к нему лично.

О. Димитрий (Арзуманов)

Мне приятно, что такой известный и серьезный писатель, как Захар Прилепин, четко и недвусмысленно выразил свое отношение к этой немаловажной проблеме. И, как ответная реакция на это письмо, целиком и полностью проявилось отношение наших доморощенных либералов к советскому прошлому. Подчеркну, что любой либерализм есть не что иное, как потворство греху. Грех есть корень либеральной теории. Прилепин же фактически совершенно верно показал нам суть современного либерализма.

Мы знаем, что либеральная интеллигенция стоит у руля крупнейших средств массовой информации. Они активно пишут статьи в газетах и в сети Интернет, выступают по радио и телевидению. Располагая такими колоссальными ресурсами, им легко и просто наброситься на уважаемого писателя и устроить его настоящую травлю. Причем делается это коллективными усилиями всей либеральной общественности, так сказать, “всемирно”. В случае с Прилепиным либералы явственно показали свою греховную сущность.

В результате получается, что либеральная интеллигенция, несмотря на кажущиеся разногласия в ее среде по отдельным вопросам, проявляет в своем отношении к советскому прошлому поразительное единство. Она в диком порыве буквально готова клеветать своего оппонента.

Что же касается позиции Захара Прилепина, то он поступил совершенно правильно, и, конечно же, я глубоко уважаю его мужественный поступок.

Павел Басинский

Захар Прилепин опять всех перевозбудил. Пресса взорвалась просто какими-то бешеными откликами на его “Письмо товарищу Сталину” в газете “Завтра”, написанное от “либералов”. Виктор Шендерович и Игорь Иртеньев называют его “антисемитом” и чуть ли не “сифилитиком”. Подобных сильных выражений я давно не помню в нашей печати. Такой градус полемики, я думаю, у нас уже невозможен. Возможен.

Это еще раз доказывает, что спорить мы не умеем, а умеем клеить ярлыки, как в магазине.

Конечно, Прилепин просто обиделся за народ, который жил и умирал при Сталине, а его сегодня пытаются лишить исторического прошлого. А оно, прошлое, да, было не только в лагерях, но в заводах, в ледоколах, в победе в войне, даже в космосе.

В “Письме” есть серьезные вопросы, которые мы перестали обсуждать в прессе, не говоря уже про такую смысловую яму, как ТВ. И это грозит нам очень неприятными последствиями. Они ведь все равно встанут рано или поздно. Например, каково истинное настроение и самочувствие, не говоря даже “народа”, но основной массы российского населения? Неужели вы всерьез думаете, что оно, это умонастроение, заглушено сериалами? Да откройте глаза: в этих сериалах давно прославляется сталинская эпоха и ее деятели. И это, что ли, делают люди, которые очень любят Сталина?

Это делают люди, которые очень любят деньги и которые понимают, что Сталин нынче выгодный и лакомый товар. Или это Прилепин все эти сериалы шлепает?

Например, как нам относиться к войне 1941–1945 годов, как рассказывать о ней детям? Это была Победа или что? Мы тупо завалили трупами свои же поля или пролили кровь за священное дело, за свою Родину?

Виктор Топоров

Главное возмущение в “Письме Сталину” вызвали имя адресата (и прилепинские славословия ему) и собирательное имя отправителя – либеральная общественность, которое многие предпочли прочесть как “советские евреи и их потомки”. Как я покажу дальше, не всё просто и со Сталиным, но давайте сначала разберемся с либеральной общественностью.

Как там звучало в годы войны в нацистском плену? “Жиды, коммунисты, комиссары, выйти из строя!” По тому же скорбному списку расстреливали пленных еще в гражданскую. Вот эти-то три многомиллионные категории населения – частично накладывающиеся друг на друга, но все же различные – и спас Сталин (хорошо, условный Сталин) в годы ВОВ от стопроцентного истребления силами немецких захватчиков. Три, а не одну! И от имени всех трех, и от имени потомков всех трех и написал свой издевательский памфлет Захар Прилепин.

Да, Сталин (условный Сталин) и сам изрядно потрепал их ряды. По-разному и в разное время, но потрепал. Но он же их и спас от Гитлера. Да, положив в семь слоев русский народ – то есть прежде всего пехоту. Но он же – и вряд ли кто-нибудь осмелится это отрицать, хотя бы наедине с самим собой, – сделал именно эти три категории населения главными выгодополучателями развитого социализма или, как его стали называть позднее, социализма реального.

Ну, а потомки выгодополучателей его предали. Больше того, стали, строго по Евгению Шварцу, первыми учениками в школе предательства. Стали учителями в школе предательства, если начистоту. Вот об этом – и только об этом – написал Прилепин. Черепа он никому не мерил – и обвинять его в этом было бы (и стало) очередной подтасовкой, очередным подлогом.

Константин Богомолов **Так приходит ФАШИЗМ**

Медленной поступью он входит в мою страну. Он встает из гроба. Он смердит, но прыскается духами из словес. Он стар и уродлив, но одевается в молодые тела.

ЗЛО ПОСЕЛЯЕТСЯ В НАШЕМ ДОМЕ СЕГОДНЯ, СЕЙЧАС. Прилепины, Наврозовы и прочая. Юные и неюные апологеты и буревестники коричневой России. Они, не понимая того, точат ножи для новой Хрустальной ночи. И если понять это в полной мере, понять безжалостно, честно, без реверансов в сторону талантов и дружб – тогда поймем и что делать и как реагировать.

Яков Шустов

Год за годом, лет уже, наверное, под сорок, Сталин Карающий – причем, чем кара несправедливей, тем она сакральней – лепится, вдалбливается, кликушетствуется и прочими НЛП-способами внедряется в общественное сознание. Но в результате Сталин, как “Брейвик для миллионов”, имеющий в каждом пальце по пулемету Гатлинга и окруженный сонмом верных опричников-смершевцев, получился настолько достойным обожествления, что хоть над детской кроваткой вешай как оберег.

Лев Вершинин **Тусовку можно понять**

Мало того, что в тексте Захара Прилепина сказана чистая правда.

Она, эта самая правда, высказана в убойно гротескной форме. То есть, тусовке не только вспороли нутро, выставив напоказ всему миру гнилую требуху. Хуже того, вспороли изящно, скажем так, “скальпелем креатива”, – того самого, который она, рукопожатно-непогрешимая, до сих пор считала своим и только своим оружием. И еще хуже, вспороли изнутри, чего она, непогрешимо-рукопожатная, никак не ожидала. Вот почему визг на грани ультразвука.

Обиженный, злобный, запредельно эмоциональный, но при всем том абсолютно бессмысленный. Без хотя бы одного хоть сколько-то вменяемого аргумента. Даже неизбежный гвалт насчет пресловутого “антисемитизма” (как же, блин, тусовке да без безотказной палочки-выручалочки?) разбивается о текст вдребезги.

Потому что – да, да! – в строках “Ты сохранил жизнь нашему роду. Если бы не ты, наших дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решён. Ты положил в семь слоёв русских людей, чтоб спасти жизнь нашему семени” г-н Прилепин подразумевает именно евреев, но совершенно по существу. Ибо, хоть раком крутись “профессиональные страдальцы”, от правды не убежишь:

именно Он сохранил жизнь нашему (как еврей по маме, я вправе писать это) роду. Если бы не Он, наших (не конкретно моих, мои гибли на фронтах, но не суть) дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решён. Он положил в семь слоёв русских людей, чтоб спасти жизнь нашему семени, – и пусть даже в “семи слоях” легли не только русские, а спасали от гибели не только евреев, но сам факт отрицать может только полностью и безусловно неблагодарная тварь.

Именно так считала моя мама, ушедшая на войну в 17 лет, получив из-под Сталинграда похоронки на дедушку Леву, дядю Фиму и дядю Гришу, а мнение моей мамы на эту тему для меня истина в последней инстанции.

Лев Пирогов

Удивительно, но факт (деликатно подмеченный тем же Прилепиным, но чересчур деликатно): простым людям, скажем, наплевать на Троцкого при том, что он расстреливал их целыми деревнями, а Сталина так даже и полюбуют (при нём до войны, вопреки огоньковской мифологии, действительно “жить стало лучше, жить стало веселей” – по сравнению с предыдущими героическими десятилетиями). А свободлюбивый интеллигент не может простить тирану недополученного. Квартиры в писдоме, Сталинской премии, персональной пенсии, чувства собственного достоинства, утраченного рая детства, в котором папа-комиссар в домике на Набережной так славно жил.

Читаешь, скажем, дневники сына Цветаевой, или письма Пастернака, или воспоминания Чуковской – всюду одно и то же: тщеславие, себялюбие, зависть, жадность и приспособленчество. Трудно заподозрить этих людей в фальсификациях.

Ладно, в общем.

Толоконникова, Ахматову прогони.

Владимир Бондаренко

Первый раз я прочёл текст Захара Прилепина как яркую антилиберальную сатиру. Этаким русский Антишендерович. Так, забава для мозгов. И не более. Второй раз, кроме самого текста, в меня влезал и его подтекст. По сути, там языком гротеска и постмодернизма сказана русская правда о русском народе. Думаю, и эту хлесткую сатиру на либеральное общество, какой бы беспощадной она ни была, не заметили бы. Понимал это и сам Захар Прилепин. Как угодно ругай русский народ, русские власти, русских миллионеров, – никому до этого дела нет.

Третьим слоем в этом остром пафосно-сатирическом эссе идет очень себя уважающий еврейский народ. Хочешь, чтобы тебя заметили, – пиши о евреях. Холокостом давно перекормили всю Европу. Я попробовал прочитать текст Захара Прилепина без упоминаний о еврейском народе. Пришлось бы убрать всего лишь пятую часть. Но вы не поверите: зашлите такой текст на любой сайт – его никто не заметит. Да и о самих евреях Захар пишет то, что они и сами про себя пишут. Пишет даже деликатнее, чем пишут они сами. И на этом всё равно погорел.

Помню, на одном лондонском поэтическом фестивале, где я был в составе жюри, большинство поэтов и критиков, как и положено, оказалось евреями, мы хорошо и весело вели фестиваль, и я по наивности дурацкой встроился

в их веселую игру, и так же легко и юмористично стал говорить о тех же еврейских проблемах, о которых только что они сами говорили куда хлеще. Это встраивание в их мир аукается мне до сих пор. То, что говорят о себе они, не имеем права говорить мы. Парадокс заключался в том, что я лишь повторил все высказанное одним евреем об евреях, то, что было сказано им рядом, в соседней аудитории, тоже состоящей в основном из евреев. Думал, сейчас вместе посмеемся. Не тут-то было. Я для всех стал сразу же антисемитом.

Думаю, так же заигрался и Захар, в своих поездках, в своих дружбах он общается сейчас в основном с еврейскими либеральными литераторами, из которых и состоит на 99% литературный бомонд, говорит с ними на равных, говорит о том же самом, и они умеют весело смеяться над собой (надо бы сделать книгу “Евреи смеются”, собрав самые убийственные и разящие их анекдоты из той же израильской прессы). И Захар решил заговорить их языком, от их же имени о русском народе, о нашей стране. Тем самым он переступил черту русской оседлости. Вся центровая наша интеллигенция – не русская. Русские сегодня – за чертой оседлости.

Я рад случившемуся. Если бы Захар не переступил эту черту оседлости, всё пошло бы у него по-другому. И со временем он, скорее всего, стал бы еще одним “русскоязычным литератором”. Прав Герман Садулаев, который четко определил: вся полемика по этому “Письму товарищу Сталину” идёт исключительно из-за национального вопроса. Ни товарищ Сталин, ни либералы сами по себе тут ни при чем. Захар дал свой четкий и нетрусливый ответ.

Мне кажется, Захар начинал писать своё письмо немного из фронды, для своего пиара, чтобы не скиснуть, но уже когда писал, подключился к своему русскому национальному нерву. И так вот, с ухмылочкой, как бы со стороны, посмотрел на все эти антисталинские либеральные выпады. К счастью, глубоко сидит в Захаре эта нижегородская глубинка, не выкорчевать. Да и мы в Москве поддержим. Лютой дальше, друг!

Захар Прилепин

СТЕСНЯТЬСЯ СВОИХ ОТЦОВ

Реакция на многословная, обиженная, часто вздорная.

Дмитрий Быков любопытно и во многом точно пишет о мотивациях написания моего письма, но по существу письма – совсем не точно и не всегда любопытно. Быть уверенным в том, что единственной и главной целью Сталина было построение концлагеря от Бреста до Магадана, столь же глупо, как быть уверенным в его добrote и человеколюбии.

Вполне возможно привести список – причём огромный список! – предприятий, полигонов, заводов, пароходов и ледоходов, реально созданных при Сталине и реально распроданных и распиленных определёнными людьми, чьи имена известны.

Что ж в этом глупого-то, Дмитрий Львович? Я говорю очевидные вещи, разве нет? Или у нас с какого-то часа очевидные вещи стало произносить моветон? И когда пробил сей час?

Сталинская Россия – многоуровневая и сложнейшая система, оправдывать её сложно, но и упрощать незачем.

Вероника Долина приятно поражена предложением своих добрых друзей воздействовать на меня физически: вот бы кто-нибудь дал мне в лицо, радуется поэтесса, чья книжка “Фарфор” стоит сейчас ровно напротив меня – на поэтической полке возле моего стола. И останется там.

Поэтесса утверждает, что я нарушил главную линию раздела меж людьми и зверьми – и прощения после этого быть не может.

Вот ведь как – живёшь в родной стране, имеешь некоторое мнение по касающимся любого русского человека вопросам – а именно, эпохи самой страшной мировой войны – и рискуешь нарушить линию раздела, которую кто-то уже установил. Кто? А почему вы никого не спросили?

Почему мне, как в стихах Есенина сказано, порой кажется, что “в своей стране я словно иностранец”; да и не один я так себя чувствую. Может быть, ваша линия раздела проходит поперёк коллективной национальной памяти?

Мне в течение нескольких дней написали благодарные письма и позвонили десятки людей, чьи имена являются цветом современной российской куль-

туры – писатели, режиссёры, актёры, публицисты. “Спасибо за письмо”, – сказали. Мне было тепло от их помощи. Я просил их не вмешиваться в этот развесистый скандал, но, положив руку на сердце, признаюсь, что многие из них и не очень хотели бы заявить о своих чувствах во всеуслышание.

Все боятся быть обвинёнными в ксенофобии. А вот в русофобии никто.

Вы понимаете, что вы делаете, самые ретивые оппоненты мои? Вы буквально запугали людей – в своей стране им страшно сказать то, что они думают.

Но всегда нужно помнить, что, если заткнуть рот умеющим говорить и слушать, им на смену придут люди, которые не умеют ни того, ни другого.

Дмитрий Ольшанский, написав в одной фразе, что я неправ, приводит в качестве доказательства список части расстрелянных в 1938 году. Последние фамилии в списке – Ольшанский и Прилепин – Егор Павлович, из села Каликино Липецкой области, родственник моего деда.

Мить, я понимаю о чём ты, и мне ужасно даже видеть эти фамилии, где после каждой приписано “расстрелян такого-то числа”. Я просто никак не возьму в толк, это ты писал не так давно замечательную статью о Троцком, рассматривая его не без некоторой, прямо скажем, симпатии? Или текст о Троцком написал один Ольшанский, а на моё письмо по поводу Сталина ответил какой-то другой человек? Или мне тоже по поводу Троцкого прислать тебе свой список?

Или, быть может, мы будем любой разговор на историческую тему подменять такими списками – подобрать их, при желании, можно на любую даже вполне вегетарианскую эпоху.

И уж тем более странно представить в подобном положении Пушкина, воспевшего Петра, истребившего людей в России больше – это не отрицают даже либеральные историки, – чем Сталин.

Мы б в подобной ситуации окружили Александра Сергеевича и спросили: ну, что, папуас, не жалко тебе русских людей? Россию, говоришь, поднял на дыбы? Сейчас мы тебе прочтём поимённо, кого ещё он поднял на дыбе, приготовься не спать три недели и слушать.

Группа студентов еврейского университета также отвечает мне письмом, приводя в качестве доказательства непонятно чего любимого мной Исаака Левитана, прожившего жизнь, по их верному замечанию, в бедности. Ребята, ваши преподаватели дали вам почитать моё письмо, прежде чем предложили написать ответ на него?

Кинорежиссёр Бардин пишет вообще чёрт знает что, разговаривая не со мной и не по поводу моего письма, а по поводу чего-то своего и глубоко личного.

Ещё один доброхот призывает всех приличных людей объявить мне повсеместный бойкот: не допускать меня в светское общество, гнать с порога, поставить печать на лоб, чтоб все видели, с кем имеют дело. Ну, это старая школа: ату его, ату. Этому нас учить не надо.

Некоторые уже прислушались к пожеланию. Посмотрим, что дальше будет.

Андрей Колесников, написавший по делу, всерьёз и хотя бы сделавший попытку оппонировать мне, а не выдумывать за оппонента, впроброс замечает в своём ответе мне, что в русском народе живёт страсть к погрому.

Отчего эти слова так легко слетают с ваших уст, друзья мои? – думаю я.

Представим себе безумца и подлеца, который напишет, что в еврейском народе тайно живёт Френкель, был такой создатель концлагерей в сталинские времена. Какая реакция будет на эти слова? Верно: автора такого допущения смешают с грязью, и поделом.

Но отчего ж можно сказать о русском человеке, походя, на бегу, всё что заблагорассудится – и это ничего: утрутся, проглотят, никуда не денутся.

По крайней мере, я до сих пор не читал открытых писем русского студенчества к журналистам или телеведущим с требованием перестать подозревать их в погромных намерениях. Также не видел и посланий в поддержку непрерывно охаиваемой с недавнего времени православной церкви, высказаться касательно которой имеют право все, живущие в России, в том числе и не православные вовсе, – у нас же светское государство.

Виктор Шендерович, среди прочих толкователей, увидев в моём тексте признаки вопиющего антисемитизма, ставит диагноз: я болен сифилисом.

Ну, я не такой знаток половой гигиены, как некоторые. Однако вздорная память мне подсказывает, что подобный диагноз кому только не ставили: от Державина, Пушкина, Гоголя и Чехова до Блока, Есенина, Шолохова и Михаила Булгакова. Все вокруг больные, один Шендерович здоров. Я как-то обмолвился, что живи в наши дни Достоевский – Виктор Анатольевич и его рвал бы за штанину. На что Виктор Анатольевич слегка обиделся и отреагировал иронично: ну, да, мол, пока нет Достоевского – отыгрываюсь на Проханове. Отчего ж только на Проханове? Отыгрывались, к примеру, на Валентине Распутине, классике и великом русском писателе, и ничего, не поперхнулись.

Обнаружить во мне антисемита может только человек, не знающий ни круга моего общения, ни круга моего чтения, ни моих учителей, ни моих друзей. Собственно, и книг моих тоже не читавший.

Текст обращён вовсе не к тем, за кого грудью встаёт Шендерович.

Текст обращён к тем, кто сразу себя там узнал.

Ещё он обращён к тем, кто упрямо узнавать себя не хочет – сегодня, чаще всего, это мои, забывшее родство и совесть, соплеменники, русские по крови, лишённые чести и совести нелюди, у которых тоже бывает местечковое сознание.

Ещё он обращён к тем, кто последовательно и ретиво выступает в роли адвоката этих нелюдей; и адвокаты всякие бывают.

Алик Кох, даром, что немец, похоже, тоже кого-то узнал и был необычайно возбуждён этим.

Обнажив шпагу и неожиданно охамев (хотя мы не раз сидели за общим столом, пили вино из одной бутылки и были осведомлены о взглядах друг друга), он назначил мне встречу, чтоб сразиться в безжалостном устном поединке, отчего-то уверенный, что я должен всё бросить и примчаться в Москву с ним объясняться.

Алик, или, если угодно, Альфред, вас тут целая очередь выстроилась. К тому же, я отчего-то сомневаюсь, что если б я, к примеру, в бытность твою министром ельцинского правительства, столь же самонадеянно назначил тебе встречу для устной дуэли – ты б всё бросил и ответил мне немедленной взаимностью.

Более того, я искренне нахожу наш спор бессмысленным.

Похоже, мы отныне и вовеки останемся при своём. Никакая логическая цепочка доводов не приводит ни одну из спорящих сторон ни к какому согласию. “Вы говорите, что сталинская Россия была вершиной существования русской цивилизации? Это подлый бред! – Нет, это не бред, а очевидность! – Это бред! Он погубил Россию! – Нет, он её спас!” – и так до бесконечности. Цифр можно насыпать с обеих сторон предостаточно. Благо, что Россию ещё кто-то сохранил для нас, и можно о ней поговорить.

Но я не участвую в этом споре.

Моё отношение к той эпохе и к заявленной теме более сложное, более жёсткое, более болезненное – хотя бы потому, что при Сталине были убиты не только мои родственники, но и любимые мной поэты, чья страшная гибель для меня личная человеческая трагедия, – Павел Васильев, Борис Корнилов, Осип Мандельштам.

Письмо написано затем, чтоб дать голос коллективному сознательному и бессознательному народу, к которому я имею честь принадлежать и от имени которого я имею смелость говорить.

Сочинитель Игорь Иртеньев обратился ко мне с письмом, где называет меня “мразью”. По его словам, я оскорбил память его дедов, воевавших во Вторую Мировую.

Мир их праху, пусть они простят меня, если я невольно их обидел.

Но обидеть я хотел лишь тех из их сыновей, кто делает больно мне.

Не первый год я читаю про свой народ, который, как я снова и снова узнаю, является носителем рабской психологии. Ещё читаю про чёрную дыру прошлого бессмысленного века, про неистребимого совка в моих соплеменниках, про пьяную Зою Космодемьянскую, про опущенного на зоне Александра Матросова, про борьбу двух зол (а где было добро в это время? на Луне?), про половину страны, которая сидела, и другую половину, её охранявшую.

Само моё письмо было задумано после очередной скотской вакханалии в прессе, случившейся в последнее 9 мая, и ещё раз повторенной вакхана-

лии 22 июня сего года. К этим вакханалиям многие привыкли, и многие с ними смирились.

Кроме, собственно, миллионов людей, проживающих в России.

Чтобы хоть как-то объяснить колоссальное чувство почтения к Сталину в народной среде, моими оппонентами приводится довод о том, что все сидевшие в лагерях – погибли, и теперь по Сталину скучают дети палачей и стукачей.

Вам, Игорь, больно, а нам, думаете, нет? Вам, Игорь, обидно за родных дедов, а мне до моих, которые не были ни палачами, ни стукачами, ни конвойными – но были раскулаченными крестьянами и честными солдатами, думаете, всё равно?

Но для них что-то значило это ужасное имя. Совсем не то, что для вас.

Кровавый маньяк? Ну, да. Ещё верховный главнокомандующий. Как-то надо это учесть.

Или, может, нам начать стесняться своих отцов, чтоб вас ничем не обидеть?

В своём письме я осмысленно и последовательно старался сделать больно всем тем, кто не первый год делает больно мне и моим близким. Кто оскорбляет мою память и стоит на своём.

Я вижу, что вам больно, и не радуюсь этому, но так было нужно: иначе вы ничего бы не услышали и в этот раз.

Пусть я мразь, но что делать с людьми, которые выбрали Сталина – именем России: мы же знаем, что выбрали – а потом у них привычно своровали и поделили их голоса.

Они тоже мразь? Скажите им об этом.

Вот они, вокруг нас, живут в этой стране, в этой географии, ходят по одним с вами улицам.

Вращаясь в своей, интеллигентной и мудрой среде, вы незаметно для себя, но заметно для нас приватизировали историческую правоту, здравый смысл, всё то, что вы считаете возможным считать вещами общепринятыми, и то, что вы сами назначали недопустимым.

Вольтер, на которого вы так любите ссылаться, с его готовностью умереть за право другого человека высказать своё мнение, забыт и отринут.

Но я-то вас слушал.

Мы-то вас слушали, мы вам внимали.

Где хотя бы приблизительная готовность внимать в ответ?

Мне просто хотелось сказать, что здесь, вокруг вас, живёт ошеломительное количество людей, которые думают иначе, чем вы.

И, видимо, имеют к этому какие-то основания, потому что не может вся правота русского мира принадлежать только вам.

Вам придётся жить с этим народом вместе.

Будьте снисходительнее к чужим болезням, тогда и к вашим будут снисходительнее.

Будьте добрее, если надеетесь, что добры будут и к вам.

... Впрочем, как хотите.